

Д.П. Зуев

Дары русского леса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 502.5
ББК 20.1
Д11

Д11 **Д.П. Зуев**
Дары русского леса / Д.П. Зуев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 260 с.

ISBN 978-5-458-71773-1

«Грибы я искал, ещё не умея как следует говорить. Мать у овина посадит, молотит с отцом снопы, а я ползаю, ишу в листьях грибы...» Школьное сочинение о природе двенадцатилетнего Дмитрия Зуева в 1900 году послали на Парижскую всемирную выставку... Первый хлеб человек заработал учительством, потом стал конторщиком, бухгалтером в Петербурге, потом репортером газет. Работал в «Утре России», позже в «Известиях». «Одной ногою стоял в газете, другой — в лесу».

ISBN 978-5-458-71773-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Дм. Зуев — страстный любитель природы, исходящий вдоль и поперек все Подмосковье... Вместе с тем он прекрасный охотник, опытный рыболов, неутомимый грибник, который с каждым читателем найдет общий язык и любимую тему: с лыжником — он спортсмен, с цветоводом — ботаник, с пчеловодом — пасечник...

А сверх всего он одаренный художник... У Зуева палитра живописца, умело разбирающегося в колорите и красках пейзажа, это помогает ему находить порою просто удивительные реалистические детали.

Надо иметь тоже особый, очень тренированный слух, чтобы различать все голоса в... оркестре пернатых музыкантов. Надо быть опытным следопытом..., чтобы с таким знанием поведать читателю о тайнах леса... Он просто читает лесные шепоты и, кажется, понимает птичьи разговоры — во всяком случае, его «переводы с птичьего» не только забавляют, но и радуют своей познавательностью и народной поэтичностью...

Все это добыто не кабинетным изучением, а личным опытом, многолетними в любую погоду странствиями, непосредственным общением с природой. Следовательно, все это — плод подлинной, жаркой, патриотической любви к родной природе...

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

*(Из предисловия к книге Дм. Зуева
«Времена года»)*

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

«Кто вы — убеленный сединами профессор или мечтательный юноша?...»

(Из письма к герою этого очерка).

Сейчас, в грибную пору в подмосковном лесу вам может встретиться человек, похожий на сказочных берендеев. На восьмом десятке люди больше всего ценят печку или завалинку возле дома. Этот же продолжает ходить по земле. Сорок грибных верст за день — обычное дело. Хотя видом, конечно, стар. Жидкая бороденка похожа на лесной мох. Крючковатый нос вызывает в памяти царя Ивана. Морщины. Сутуловатость. Но если вам случится заговорить или даже встретиться с берендеем глазами, вы поверите: бывают люди, до края лет хранящие огонь, называемый молодостью.

В лукошке у встречного — полным-полно. У вас в корзине — две красные сыроежки. Не удивляйтесь: вы встретились с грибником, равного которому, может, и не было на лесных землях. Что корзина грибов... Он знает все о грибах! Старик разговорчив, и если бы вам

удалось присесть рядом с ним где-нибудь на поваленном дереве, вы узнали бы: «Съедобных грибов в европейских лесах больше двух сотен, люди же собирают не более двух десятков. Англичане так вовсе все грибы считают «погаными» и признают одни шампиньоны. Шампиньоны у англичан растут в старых штольнях и бомбоубежищах... У шампиньона восемнадцать миллиардов «семян», потому он встречается всюду — от Шпицбергена до Памира. В Арктике, высоко в атмосфере находят споры грибов. А всего грибов на земле... восемьдесят тысяч!»

Пять часов подряд я слушал рассказ о грибах. Старик знает, сколько в каком грибе питательного добра, где и когда этот гриб надо искать. Знает, какие грибы подавались на римских пирах и за столами у русских князей. Знает, сколько грибов сегодня поставляет на мировой рынок Польша и почему сморчки и строчки светятся, когда постареют. Знает, что актеру Щепкину дня не хватало, и он выходил собирать грибы с фонарем... Поэма! И человек, говорящий ее, — поэт истинный. Вы убедитесь, как только он скажет первое слово и будет говорить потом, расставляя руки и обращаясь к вам, как к давнему другу: «Слышь-ко... А помнишь...» И разговор пойдет уже не о грибах только. О том, как Пушкин любил природу, и что сказали о природе Лев Толстой и Анатоль Франс. Или пойдет разговор о травах, о птицах, о «сорока видах дождей», о речке Осетр под Коломной, о какой-то «месопотамии», открытой им между реками Кубря и Нерль, о глухариной охоте. Иногда, забыв слушателя, старик начинает что-то искать в рюкзаке, в карманах, находит, наконец, измятый листок бумаги, пишет витиеватым старинным почерком и прячет бумажку. А то появится на свет из кармана книжка с девизом — словами Пржевальского: «У путешественника нет памяти». Шестьдесят лет непрерывно наполнялась книжка лесной мудростью. И это не кубышка, зарытая в землю. Все, что собрано, отдано людям.

Пора и назвать встречного грибника. Это Дмитрий Павлович Зуев. Редкий дом в Москве не знает этого москвича.

Когда приходит весна? У астрономов — свое время, дачники назовут свои сроки, земледelec — свои. На

Аляске забавно определяют приход весны. На льду посредине реки укреплен кол, связанный тонкой веревкой с хронометром. Чуть тронулся лед — часы сработали. Тысячи людей беспрерывно день и ночь ожидают этого момента. Тут же репортер радио с микрофонами. Вся Аляска слушает репортера. Пятьдесят лет проводится весенняя лотерея. Люди покупают билеты и пишут на них число, час и даже секунды. Выигрывает тот, кто точнее всех предскажет приход весны.

Замечено: весна идет по земле со скоростью пятьдесят километров в сутки. С такой скоростью движется на север живая волна спутников потепления. Поэтому есть еще один способ обнаружить приход весны. В Антарктиде — это приход с моря на землю пингвинов адели, в наших краях «весну приносят грачи». Весна задержалась, пристыла где-нибудь на дороге — и грачи задержались.

Земля вокруг Солнца ходит по строгому расписанию, и все на земле приспособилось к этому. Все имеет строгие правила поведения. За многие тысячи лет люди пригляделись к этим закономерностям. Замечено: медведи, барсуки и еноты вылезают на свет после спячки 7 апреля. Известно, в какое время надо ждать первых осенних морозов, когда зацветет липа и колосится рожь, когда бывают свадьбы у щуки и в какие летние сроки птицы кончают петь, в какое время реки покрываются льдом. Все это знает фенолог. Есть теперь такая наука, есть и ученые, но и любой человек может себя называть фенологом, если возьмется наблюдать за сезонными переменами на земле.

Мальчишкой я уже знал: грачи прилетели — весна; прилетела кукушка — конец охоты, дичь села на гнезда; ласточки прилетели — можно купаться. Эту азбуку в готовом виде я получил из копилки сельского опыта. А ведь кто-то первым заметил все это. «Лини мечут икру, когда зацветет калина. Перед дождем иволга кричит дикой кошкой. Цветок лилии опустился под воду — близится летний вечер». Названия месяцев у славян крепко связаны с проявлениями природы: май — травень, июль — липец (время цветения липы), декабрь — студень... В этой цепи увязок и наблюдений трудно увидеть начало. Не будет у нее и конца. Эту цепь начинали охотники и земледельцы. Лучше всего

они и теперь ее продолжают. Природа неисчерпаема для прилежного наблюдателя. Каждый любознательный человек может сделать свое открытие. И есть наблюдатели за природой, талантливые и влюбленные. Они прославили фенологию — самую поэтичную из наук. Дмитрий Кайгородов, Виталий Бианки, Михаил Пришвин. Рядом с этими именами сегодня можно назвать фенолога Дмитрия Зуева.

Можно без ошибки сказать: среди живущих нет сейчас человека, кто бы лучше его знал природу центра России и особенно Подмосковья. Он знает все. Если пойдет разговор о птице, он узнает ее по голосу, скажет, когда прилетает, где зимовала, в каких местах любит гнездиться, чем кормится, кто враги у нее, поет ли в неволе, как называют эту птицу в народе, расскажет, где наблюдал птицу и какие приключения случились при этом. Заметьте: это о каждой птице! Он помнит, когда дрозды зимовали в московских лесах, знает, какая птица может глядеть, не моргая, на солнце, в какую морозную зиму московские воробьи искали убежища в метро «Смоленская». Он видел журавлиные пляски. Поэтично расскажет, почему щегла называют щеглом, а снегиря — снегирем. Он знает таинственного соперника соловья — птицу варакушку, может подражать десяткам лесных голосов. И это не простая копилка знаний. Человек понимает все спутанные взаимосвязи в природе, у него есть ключи ко всем лесным и полевым тайнам. И нет ни одного проявления жизни, какое он пропустил бы без внимания. Он пчеловод с пчеловодами. Он первый среди охотников. Он ботаник, знающий красоту, цену и родословную каждого из цветков, каждой травы и каждого дерева в Подмосковье. Он агроном и лесник, собиратель народных примет и хороший знаток русской поэзии.

За шестьдесят лет он исходил все берега подмосковных озер, речек, все глухие болота и отдаленные лесные углы. Он знает не только идущие по кругу закономерности, но, как истинный наблюдатель, помнит все природные аномалии. Он скажет, в каком году в июле были морозы, когда вишня цвела в апреле, а в феврале была метель с громом и молнией.

Во время войны маленький самолет увозил к партизанам патроны и листовки с зувевским текстом: «Ка-

кую пищу можно найти в лесу». Зуевым написана редкая, поэтичная и очень нужная книга «Дары Русского леса». Только что он закончил новый, дополненный вариант книги. К старику идут за советом, когда собирается «экспедиция» за грибами или снимается фильм о природе. Просто с ним посидеть у костра — радость ни с чем не сравнимая.

А ведь мы могли и не знать человека, не обладай он и еще одним высоким талантом — талантом рассказчика. И не просто рассказчика, а поэта. Человек имеет свой голос, самобытный и сильный.

Щепкина-Куперник заполняла анкету и на вопрос: «Ваш любимый поэт?» написала: «Дмитрий Зуев». Зуев никогда стихов не писал. Он писал заметки в газету...

Если очень вам повезет, на прилавке в каком-нибудь маленьком магазине вы еще можете встретить книжку «Времена года». Покупайте немедленно! Книжка вышла вторым изданием, но надо уже говорить о третьем. Книжку не с чем сравнить, потому что она самобытна по форме, по стилю, по духу. Я поставил ее на полку рядом с книжкой Аксакова. Думаю, каждый именно так и поступит, когда прочтет.

Короткие заметки, или, как принято теперь называть, новеллы: о птицах, о рыбах, о грозах, о холодных лесных ручьях, о сенокосе, о зверях... Немыслимо перечислить и маленькой доли всего, что вместили четыре сотни страниц. Леонид Леонов назвал эту книгу «окном, распахнутым прямо в чащу подмосковного леса». Обычные слова добротного неиспорченного русского языка в книге. Но как мастерски найдены, как поставлены в соседстве друг с другом! Читаешь и видишь солнечные зайчики на траве, слышишь шорохи, скрип снега, чувствуешь лесной запах, взволнованное дыхание очарованного рассказчика. Книжка — редкостный сплав справочника и поэмы. Живущий среди природы прочтет ее с большой практической пользой. Для горожанина, неизбежно тоскующего о потере лесов и полей, — это праздник, пришедший в дом. Книжка писалась всю жизнь — семьдесят лет.

Брэм всю жизнь писал «одну книгу». Книга имеет десяток больших томов. Это был подвиг жизни. Гиляровский всю жизнь писал «одну книгу». Мы знаем и бережем этот памятник ушедшей Москвы. Экзюпери,

совсем недавно овладевший нашими чувствами, всю жизнь писал «одну книгу» о человеческом Благородстве, о Долге и о Земле. Можно было бы дальше называть имена людей, для которых писательство было неотделимо от жизни. Оно просто не имело бы смысла, если бы человек изменил себе. Экзюпери говорил: «Прежде чем писать, я должен жить». Писательство и жизнь для этих людей не были чем-то вроде: «работа» и «после работы». Книга являлась следствием образа жизни, образа мыслей, избранного занятия. Живи человек иначе, он бы ничего нам не оставил. Это, наверное, исключения из общего правила, но и не очень редкие исключения.

Во Франции в прошлом столетии жил один учитель-чудак. Бросил учительство и с лупой целыми днями лежал в бурьянах, наблюдал жуков и козявок. И так всю жизнь пролежал в траве с лупой. Добропорядочные селяне смеялись, конечно, над чудачком. Но вот чудак разогнулся и рассказал, что он увидел в сухих бурьянах. И так рассказал, что мир вот уже сотню лет не может оторваться от его книги. Ее недавно переиздали у нас. «Жизнь насекомых» Фабра надо прочесть каждому, так же как хоть один раз в жизни надо заглянуть в микроскоп и поглядеть в телескоп на звезды.

Зуев чем-то напоминает французского «чудака». Семя его талантливой книги было заложено в детстве. «Грибы я искал, еще не умея как следует говорить. Мать у овина посадит, молотит с отцом снопы, а я ползаю, ищу в листьях грибы...» Школьное сочинение о природе двенадцатилетнего Дмитрия Зуева в 1900 году послали на Парижскую всемирную выставку... Первый хлеб человек заработал учительством, потом стал конторщиком, бухгалтером в Петербурге, потом репортером газет. Работал в «Утре России», позже в «Известиях». «Одной ногою стоял в газете, другой — в лесу». «Заметки делал часто на пнях, а в редакцию являлся с рюкзаком и ружьем». Лес победил газетчика. Человек редко стал появляться в городе. «Чудак...» Он и правда, жил наподобие лермонтовского Казбича: «одежда в лохмотьях, оружие — в серебре». Все имущество: рюкзак, неизменный монокль, жаровня и табакерка. Зато ружье — английской работы, самой высокой цены, «второе в Москве — только у Ворошилова». Теперь он,

как и в молодости, метко стреляет, хотя один глаз у него с детства не видит...

«Лесного человека» давно заметили. В юности на литературных вечерах Зуев встречался с Иваном Бунинным, был близок с Пришвиным, Новиковым-Прибоем и Ставским. Он мог вести серьезные беседы о судьбах литературы и писал... заметки в вечерней газете. Писал о том, что увидел и разгадал в лесу, что подслушал на деревенских праздниках. Было еще и трудно, и чувствовал он себя временами «гадким утенком». Его поддерживали те, для кого он писал. Гора читательских писем. Люди разглядели в коротких заметках и поэзию, и копилку дорогих наблюдений...

Одна большая страсть руководила человеком семьдесят лет. Одна большая страсть в человеческой жизни всегда приносит плоды.

В. ПЕСКОВ

